

С СЫНОВЬИМ УВАЖЕНИЕМ

К 60-летию со дня
рождения К. БАЙСЕЙТОВА.

КАНАБЕК Байсеитов, народный артист Казахской ССР. Я пытаюсь представить его на пьедестале почетной умиротворенности. Ушедшего в покой заслуженно признания. И не могу, не вижу Канабека в этом качестве. Есть чувства трудно объяснимые. Для меня лично Байсеитов — и память юности, и восхищение искусством, и еще чего-то такого, что я называю сыновьей привязанностью.

Четверть века назад я приехал в Алма-Ату из далекого аула. С волнующим ожиданием чуда читал я афиши «Кыз Жибек». Мне знакома была эта песня — песней казахской степи, но я не знал, точнее никогда до того не бывал в опере. И вот настал тот незабываемый в моей жизни вечер...

Куляш — Кыз Жибек и рядом с нею Тулеген, которого играл Канабек. Это было зарей национального казахского оперного искусства. Мне показалось, я услышал песню веков, и мне захотелось заглянуть в будущее. Так, наверное, рождается мечта.

Я вел счет лет. Непроизвольно соприкасаясь со всем новым, что входило в жизнь. А может неверно думать — произвольно. У судьбы, у каждого явления свои законы. Они направляют нас по доброму пути, если все хорошо, уведят (и так случается) в сторону, и тогда мы узнаем цену ошибок. Но здесь важно одно: ядро главного. И этим главным для нас является торжество, победная поступь

жизнеутверждающих идей, торжество советской действительности.

Нашему Кана — шестьдесят лет, из них сорок — принадлежат казахскому искусству.

В 1956 году мы вновь встречались с Канабеком. Случайность? Нет — закономерность. Мы учились, и нам было легче, чем им — пионерам казахского оперного театра, первым кинематографистам, первым подвижникам большого искусства. Мы шли уже по проторенному следу. Нас вдохновлял пример. И для меня совместная работа с Кана над либретто «Золотые горы» вылилась в событие непреходящей важности. Я как бы прошел школу у педагога требовательного, принципиального, умело направляющего творческую волю. И сегодня я говорю, и меня поддержат в этом чувстве многие мои сверстники, — спасибо, учитель.

Как-то мне повезло побывать вместе с Кана на джайляу Сарнокай в Талды-Курганском районе. Я, слышал, как Канабек свободно общался с чабанами. И поражаюсь его слитности с родной стихией. Он знал нужды, заботы, тревоги и радости животноводов. Вникал в быт. Случилось так, что не подвезли вовремя соль для овец. Байсеитов со всей его душевной неумностью взялся за хозяйство. Он буквально бил во все колокола, поднял всех на ноги, и соль была незамедлительно доставлена к месту. Штрих? — Да. Мелочь? — Нет. Это характер человека и, если угодно, — гражданина.

В другой раз провожали старого скотовода на пенсию. Канабека пригласили на той, как почетного гостя, и по обычаю отвели ему место самого уважаемого сородича. Пользуясь этим и желая оказать аксакалу уважение и любовь за его долгую трудовую жизнь, тонко разбираясь в традициях дедов, Кана взял у хозяина его чабанский посох, с которым он не разлучался никогда, и передал «орудие» труда как дар наследнику, сыну сменившему отца. Это произвело такое впечатление, что я позавидовал своему учителю и другу, позавидовал доброй завистью и подумал: только так надо приходить к людям, неся им радость и свет сердечности.

Канабек Байсеитов, как это мне представляется, по своему призванию прежде всего режиссер. И есть еще такое выражение, чисто профессиональное, — режиссер «зеркало». Через него артист видит, что ему недостает. С ним работать легко, он как бы открывает тяжелые творческие двери и убежденно приглашает: «Входи». Однако и как исполнитель он мастер диапазона воистину удивительного. От бая до нищего, от машиниста до академика, от молодого полного сил джигита до дряхлого старца — вот пределы его артистических интересов и воплощений. И везде Канабек в характере, в образе только ему присущем, и везде у него открытие нового.

Были — в искусстве это неизбежно — и срывы, и неудачи, но они непременно диктовались художническим риском и неутоленной жадной открытостью еще никому неизвестное.

Только одия перечень ролей, сыгранных Канабеком, открывает его творческое лицо. В кино это Асанов — («Сказ о матери»), академик Усенов в «Сплаве», Итбай в «Батагозе». А в заглавном фильме казахской кинематографии «Амангельды Иманов» холеный алаш-ордынец Жагпар — красивый и надменный. И образ эпического обобщения Ер-Таргын в одноименной опере...

Академический оперный, орденосный театр имени Абая. У колыбели его стоят они — первооткрыватели незабвенная Куляш — зоревая песня степи, Байсеитов, Джандарбеков, Брусилловский, Жуков. Их не так много, но и не мало. Их — первых. А за ними пошла смена, за ними — годы расцвета, трудные и славные революционные свершения, в которых мужало самосознание казахского народа, приобщившего себя к высокой социалистической культуре.

К. ШАНГИТВАЕВ,
главный редактор студии
Казахфильм.